

Глава IX

Л.Я. ШТЕРНБЕРГ — ПРЕЕМНИК В.В. РАДЛОВА

В сборнике, посвященном памяти Л.Я. Штернберга, сказано, что в 1902–1917 гг. он принимал «деятельное участие, открытое и подпольное, в общерусском и еврейском общественном движении» [Памяти 1930: 9]. Из этой цитаты следует, что до 1917 г. он занимался революционной деятельностью и состоял в нелегальных организациях.

После кончины В.В. Радлова Л.Я. Штернберг фактически возглавил музей. Он одновременно занимал три должности: заместителя директора, заведующего отделом Северной Америки и заведующего отделом Сибири и Севера России. На заседании, состоявшемся 20 мая 1918 г., сотрудники музея решили «неуклонно работать в том духе и направлении, в каком неизменно вел музей покойный его преобразователь и устроитель, создав из него научный институт, конечную цель которого он видел <...> в широкой научной разработке всех вопросов, связанных со статистикой и динамикой культуры всего человечества» [Отчет 1919: 1–2].

Изменения в штате музея

Кончина В.В. Радлова была не единственной потерей для музея в 1918 г. 30 мая после продолжительной болезни в возрасте 54 лет скончался заведующий отделом Центральной и Южной Америки К.К. Гильзен. Он много сделал для сохранения, учета и регистрации американских коллекций: «К.К. Гильзен начал свою работу в Музее еще в 1892 г., когда он был приглашен покойным хранителем Музея Ф.К. Руссовым для разборки старинных коллекций Кунсткамеры и других из Северо-Западной Америки. Ценнейшие собрания эти оказались в полном беспорядке. <...> Среди которых самое замечательное собрание принадлежит исследователю 40-х годов, зоологу академии И.Г. Вознесенскому, он заинтересовался замечательной личностью этого несправедливо

забытого исследователя, обогатившего все музеи академии ценнейшими собраниями, и разработал весь архивный материал, касающейся его личности и деятельности» [Отчет 1919: 3–4]. Здесь говорится о монографии К.К. Гильзена «Описание путешествия И.И. Вознесенского по северо-западной Америке, ближайшим к ней островам и по полуострову Камчатка», которая была сдана в печать для публикации в «Сборнике МАЭ» за 1918 г., но так и не была издана. Таким образом, в течение 1917–1918 гг. музей покинула значительная часть его «иностранных» сотрудников: немцы В.В. Радлов, К.К. Гильзен, Г.Г. Манизер, швейцарец Б.Э. Петри и датчанин Ф.А. Фиельструп.

В 1918 г. Л.Я. Штернберг перевел В.И. Иохельсона на штатную должность заведующего отделом народов Африки. Его супруга, врач Д.Л. Иохельсон-Бродская, стала работать по договору в отделе антропологии. В ряде публикаций сообщается, что В.Г. Богораз поступил на постоянную работу в МАЭ в 1918 г. на должность заведующего отделом народов Центральной и Южной Америки. Однако его фамилия не указана в списке сотрудников в отчете музея за 1918 г. [Там же: 4]. Возможно, он был оформлен на работу прошедшим числом. В 1920-е годы в МАЭ пришла «марксистская молодежь» из числа учеников Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Официально обязанности директора музея с октября 1918 г. по апрель 1921 г. временно исполнял академик Василий Владимирович Бартольд (1869–1930). Затем его избрали директором сроком на три года, но из-за постоянной конфронтации с Л.Я. Штернбергом 2 сентября 1921 г. В.В. Бартольд подал в отставку. А.М. Решетов отмечал: «Попытки Л.Я. Штернберга провести выборы директора без согласования с академией <...> были пресечены непременным секретарем акад. С.Ф. Ольденбургом. Л.Я. Штернберг считал себя преемником В.В. Радлова и откровенно претендовал на руководство музеем» [Решетов 1997: 39]. По представлению Академии наук 2 ноября 1921 г. с соблюдением всех формальных процедур директором МАЭ избрали академика Евфимия Федоровича Карского (1861–1931).

В.И. Иохельсон проработал в музее относительно недолго. В конце февраля 1921 г. Л.Я. Штернберга и В.И. Иохельсона арестовали по подозрению в контрреволюционной деятельности, освобождены они были по поручительству Максима Горького. Сравнив годы, проведенные в царской ссылке, когда он участвовал

в научных экспедициях, получал за это жалование и публиковался, и неделю в советской тюрьме, В.И. Иохельсон решил покинуть советскую Россию и в августе 1922 г. уехал в научную командировку в Нью-Йорк. Он не получил штатную должность в АМЕИ и выполнял разовые работы по договорам. Чтобы иметь возможность вернуться на родину, он не стал принимать американское гражданство и не получал пенсию. В.И. Иохельсон поддерживал переписку с Л.Я. Штернбергом, В.Г. Богоразом, Э.К. Пекарским, Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863—1934), Львом Семеновичем Бергом (1876—1950) и другими и несколько раз присылал в музей отчеты по результатам своей «командировки».

После революции поступления коллекций резко сократились. В 1919 г. от коллекционера оружия Евгения Евгеньевича Тевяшева (1869—1942) поступило 240 предметов оружия различных народов мира (№ 2716). В состав этого собрания входили и вещи из Америки: «Прежде всего нужно отметить обширное собрание луков и стрел самых различных народов (северо-азиатских инородцев), китайцев, японцев, индейцев, персов, турок, бразильцев, маори, африканских народов и др., собиравшихся Е.Е. Тевяшевым в течение целого ряда лет. Это ценное собрание представляет важное дополнение к собранию луков, уже имевшихся в музее, заключается в себе, кроме того, много дублетов; поэтому из данного собрания, которое предполагается не раздавать по отделам, в музее будет образован новый отдел по типологии и эволюции луков вообще и сложных луков в частности. Кроме того, некоторые экземпляры из неизученных еще типов сложных луков будут подвергнуты поперечному разрезу для выяснения их техники. Постепенно это сравнительно-этнографическое собрание будет пополняться новыми типами и представит один из интереснейших отделов проектируемого сейчас в музее особого отделения эволюции типов культуры» [Отчет 1920: 136].

Отдел эволюции и типологии просуществовал в МАЭ с 1926 по 1930 г. Что касается «поперечных разрезов», то сейчас в фондах отдела Америки имеются десятки гарпунов и копий со срезанной нижней частью и десятки стрел и гарпунов, распиленных пополам. Какую «технику изготовления» пытались обнаружить сотрудники отдела эволюции и типологии при распиливании орудий охоты, абсолютно непонятно. Один из поврежденных гарпунов вновь соединили следующим образом — в месте его рас-

пила установили широкую рейку и к ней гвоздями прибили две части гарпуна. В наше время такие действия можно охарактеризовать как сознательную порчу музейных экспонатов. После ликвидации отдела эволюции и типологии коллекция Е.Е. Тевяшева оказалась бесхозной, так как она не числилась ни за одним из отделов музея. В 1952 г. ее передали на постоянное хранение в Музей им. А.В. Суворова.

Л.Я. Штернберг — создатель этнографической школы

Известный исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев и Л.Я. Штернберг неоднократно встречались и состояли в деловой переписке. В.К. Арсеньев сообщает о деятельности Л.Я. Штернберга в начале 20-х годов: «Бесчисленное число раз он ездит в Москву для докладов. <...> Когда Льву Яковлевичу предлагали другую службу с несравненно большим окладом жалования, он сказал: “Я нуждаюсь, но своей науке не изменю”. <...> Тогда он уже жаловался на нездоровье. Организм его был подорван жестокими голодовками. Лев Яковлевич был одет очень плохо, в какую-то курточку, и обтрепанные рукава его (куртки. — С.К.) были починены тонким шпагатом» [Арсеньев 1966: 105]. В.К. Арсеньев не уточняет, в какой период времени здоровье Л.Я. Штернберга было подорвано «жестокими голодовками», но для современников было понятно, что речь шла о зиме 1917–1918 гг. Л.Я. Штернберг называл 1918 г. «разгаром разрухи», а последующие несколько лет — «годами экономической разрухи» [Штернберг 1925: 63].

Еще до начала Первой мировой войны Л.Я. Штернберг факультативно преподавал этнографию в Санкт-Петербургском университете. В 1915 г. он начал преподавать этнографию на Высших географических курсах. В 1917 г. стал приват-доцентом Восточного факультета Петроградского университета и через год был избран профессором этого факультета. Кроме того, он читал лекции в Государственном институте истории искусств. 3 декабря 1918 г. Л.Я. Штернберг основал Географический институт с двумя факультетами — географическим и этнографическим — и стал его первым деканом. В 1919 г. Ученый совет МАЭ постановил «описать дублетные экземпляры коллекций и уступить таковые для этнографического кабинета Географического института» (цит. по:

[Купина 2004: 73]). В 1924 г. Л.Я. Штернберга избрали членом-корреспондентом АН. Также с 1924 г. он являлся председателем Еврейского историко-этнографического общества, а с 1925 г. — сотрудником Тропической комиссии АН, Тихоокеанской комиссии АН, Комитета народов Севера. Многочисленные должности Л.Я. Штернберга свидетельствуют о том, что после Октябрьской революции его карьера успешно развивалась. Следовательно, он не был противником советской власти, каким его пытаются представить некоторые современные исследователи. В то время было невозможно находиться в оппозиции к власти и одновременно в течение многих лет занимать несколько преподавательских и научных должностей в государственных учреждениях.

Л.Я. Штернберг как преподаватель и ученый проявлял заинтересованность в подготовке кадров из среды местного населения для районов Севера и в проведении этнографических исследований среди всех народов Сибири. В июле 1923 г. В.К. Арсеньев находился в командировке на Командорских островах. Он отметил: «Командорские алеуты находятся в состоянии вымирания. Они почти поголовно заражены сифилисом, который распространяется и половым, и внеполовым путем. К числу причин вымирания нужно отнести инфекционные эпидемии. Породнившись между собой, население без притока свежей крови быстро идет к вырождению» [Арсеньев 1923: 492].

Получив известие об исследованиях В.К. Арсеньева на Командорских островах, Л.Я. Штернберг написал в ответном письме: «Ужасно интересно, что алеуты (делают. — С.К.) на Командорских островах! Я бы охотно пристроил кого-нибудь из студентов туда на службу, если это возможно, и он бы там изучил их быт» [Письма 1979: 72]. Отправлять кого-либо из студентов на Командорские острова Л.Я. Штернберг не стал, так как среди его учеников появился алеут. В конце 1925 г. было организовано Северное отделение рабочего (подготовительного) факультета ЛГУ. Его учащимися стали 24 человека, из них 18 — представители коренных народов Сибири, среди них был алеут с острова Медный **Валентин Поликарпович Хабаров** (1898–1942). Летом 1925 г. В.П. Хабаров сопровождал партию голубых песцов при их перевозке с острова Медный на Шантарские острова. Оттуда он добрался до Николаевска-на-Амуре, где при содействии Комитета народов Севера получил направление на учебу в Ленинград.

Из Николаевска-на-Амуре В.П. Хабаров отправил письмо в камчатскую газету «Полярная звезда», в котором говорилось: «До прихода советской власти на островах жилось так плохо, что я не могу и передать. Над нами прямо издевались, как над собаками или скотами, и еще в 1922 г. администрация собиралась нас пороть. У нас на острове промышленные надзиратели и начальники ночью отбирали жен от мужей и заставляли зимой ночью в одних рубашках, босыми ногами бегать по деревне, иные (начальники. — С.К.) выводили из церкви людей и сажали в холодную баню; вывешивали в селении разные стыдные объявления, и мы не могли против этого сказать ни слова. Мы читали в книжках про крепостное право на материке, которое было лет 60 тому назад, а у нас на островах оно было еще в 1923 г., до прихода советской власти. Пароход приходит, начальники одевают гражданскую одежду; а как только уходит пароход, опять одевают офицерскую с погонами и опять пьяные поют “Боже, царя храни”. Вы, живущие на материке, освободились раньше нас, а у нас еще в 1922 г. начальник бегал с веревкой и порол всех без разбора» [Хабаров 1925].

В 1927 г. студентов Северного отделения рабочего (подготовительного) факультета ЛГУ перевели на Северный факультет Ленинградского восточного института (Института восточных языков). Летом и осенью 1927 г. В.П. Хабаров вместе с супругой-хантыйкой Милицей Хабаровой находился на полевой практике на Командорах. По результатам этой поездки в сборнике «Тайга и тундра» опубликовали его статью «Командорские острова» и заметку М. Хабаровой «Школа на Командорских островах». В.П. Хабаров писал: «Людское население на Командорах меньше 350 чел., считая как постоянных жителей, так и временных обитателей — промысловую администрацию. До конца прошлого столетия происходил естественный рост населения, и общее число жителей достигало в 1910 г. 605 человек. Затем началось вымирание. <...> Средняя продолжительность жизни, вследствие неблагоприятных климатических и бытовых условий, крайне низка — 22 года для обоих островов» [Хабаров 1931: 54].

В романе «Воскресшее племя» В.Г. Богораз привел легенду, рассказанную В.П. Хабаровым. Записей фольклора алеутов Командорских островов крайне мало. Легенда, рассказанная В.П. Хабаровым, была надолго забыта и почти не использовалась исследователями, поэтому процитируем ее в пересказе В.Г. Бого-

раза: «Вот было раз: выгребли двое (в море. — С.К.) — двоюродные братья, у каждого челнок. Стали тюленей гарпунить. Левый — одного, а правый — другого. И опять: левый — одного, а правый — другого. Ветер <...> чуть весла из рук не вырывает, а они не замечают, колют тюленей, и только. Вот вырос ветер. Был сначала как маленький мальчик, а потом стал подросток, а там сделался крепкий и грозный охотник. И охотится ветер вовсе не на тюленей, охотится ветер на людей, на бойких охотников, братьев-алеутов.

“Вот стал их осиливать ветер, рвет кожанку (одежду. — С.К.) с плеч. Распоролась передняя полая, захлестывает в обод челнока соленая вода, погибают охотники. Тут бросили тюленей и взмолились алеуты. Взмолились не ветру, не солнцу, собственным челнокам взмолились: “Выручайте из беды!” Один говорит своему челноку: “Брат, спаси меня. Зачем на гибель отдаешь?”. И челнок отвечает: “Правда, воистину, (ты для меня. — С.К.) брат и товарищ по жене. Когда ты прощался с женой и брал ее мягкие руки, потом надевал рукавицы и шел ко мне, тогда ты снимал рукавицы и теплыми руками хватался за борта мои. Итак, мы делили по-братски единственную радость от нашей подружки-жены. Ты верный товарищ, и я спасу тебя”.

Тут и другой алеут взмолился челноку: “Брат, спаси меня. Зачем на гибель отдаешь?”. А челнок отвечает: “Нет, я не брат тебе. Братниной части не имею и доли не имею. Когда ты прощался с женой и брал ее мягкие руки, потом надевал рукавицы и, когда приходил, хватался рукавицами за мой твердый борт, и я от тебя ничего не получал: ни ласки, ни привета. Ты злой брат, я не спасу тебя”. <...> Духи не только запрятаны в лодках, в челноках, сами челноки тоже такие духи» [Тан-Богораз 1935: 223–224].

Есть более подробный вариант этой легенды, записанный В.И. Иохельсоном в 1910 г. на острове Уналашка от алеута И. Соловьева [Иохельсон 1923: 16–19; Unangam 1990: 224–227]. Интерпретация легенды о духах, живущих в байдарках, приведена у Л.Я. Штернберга: «С одной стороны, искусственный предмет сам по себе — живое существо, а с другой стороны, он имеет хозяина — духа. <...> Как один из ярких образцов этого представления, как иллюстрацию я изложу сообщенный мне В. Иохельсоном рассказ одного алеута. Во время одной охотничьей поездки поднялась буря, и два брата очутились в море на двух байдарках (челноках). И вот в то время, когда они считали себя погибшими, один

из братьев обратился к своему челноку, то есть к “хозяину” его, с такой речью: “Ты мой товарищ по жене, спаси меня от гибели!” Но челнок ответил: “Ты мне худой товарищ по жене. Когда утром ты встаешь, разгоряченный телом своей жены, то не передаешь мне следуемую мне часть супружеской ласки”. И действительно, этот гибнет, а другой, который был “хорошим товарищем по жене”, спасся. И алеут считает рассказ этот совершенно естественным, он видит в этой байдарке (челноке) “хозяина”, и этот “хозяин” — вполне человекообразное существо, которое имеет те же страсти, как и он сам, одним словом, настоящий, подлинный человек» [Штернберг 1936: 274].

Несмотря на слова Л.Я. Штернберга о том, что эту легенду ему сообщил В.И. Иохельсон, судя по некоторым выражениям: «челнок», «товарищ по жене», отсутствующим в тексте В.И. Иохельсона, Л.Я. Штернбергу был известен вариант легенды, рассказанный В.П. Хабаровым.

Восстановление международных связей

Л.Я. Штернберг неоднократно предпринимал попытки вернуть коллекции, приобретенные по межмузейному обмену до революции и оставшиеся на хранении в музеях Стокгольма, Копенгагена и Лейпцига. На лето—осень 1918 г. была запланирована четырехмесячная командировка К.К. Гильзена в страны Скандинавии, но из-за его преждевременной смерти эта поездка не состоялась. Трижды, в 1920, 1921 и 1923 гг., руководство МАЭ ходатайствовало о зарубежных командировках для Л.Я. Штернберга с целью возврата коллекций из европейских музеев. Однако его поездка за границу состоялась только в 1924 г., когда Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз приняли участие в работе XXI Международного конгресса американистов, проходившего в Швеции и Голландии. За три с половиной месяца пребывания в Европе, с августа по ноябрь, они посетили Голландию, Швецию, Данию, Великобританию, Францию, Германию. Главной темой, которую рассматривали участники конгресса, было происхождение эскимосов, поэтому ключевой фигурой в составе советской делегации стал В.Г. Богораз, проводивший в 1901 г. полевые исследования среди эскимосов.

Более подробно о работе XXI Международного конгресса американистов расскажем в следующей главе, посвященной дея-

тельности В.Г. Богораза. Здесь отметим, что если многие участники конгресса настороженно отнеслись к представителям большевистской России, то Ф. Боас всячески подчеркивал дружеское расположение к своим советским коллегам. Это объясняется не только их многолетними деловыми контактами, но и тем, что Ф. Боас разделял леволиберальную идеологию. «Во время войны, — писал В.Г. Богораз, — он объявил себя вначале пацифистом, а потом пораженцем. <...> После того Боаса стали бойкотировать, но он не сдавался и в виде протеста записался в <...> социалистическую партию. <...> В конце концов, твердый старик внушил уважение даже дельцам из Нью-Йорка, связанным с наукой» [Богораз 2011: 211]. Со своей стороны Л.Я. Штернберг никогда не подвергал сомнению теорию Ф. Боаса о древних культурных связях народов Сибири и Америки. В одной из своих последних статей он писал о работах В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза: «После их трудов теперь окончательно доказано, что как языки чукотско-коряцкой группы, так и язык юкагирский родственны в той или другой степени американским, а алеутский представляет наречие общеэскимосского языка. <...> Таким образом, языковое и культурное родство между палеоазиатами и индейцами после этих работ может считаться доказанным» [Штернберг 1926: 165].

Л.Я. Штернберг прилагал большие усилия для поднятия авторитета сотрудников МАЭ среди европейских ученых, но в тот период возможности для международного сотрудничества были сильно ограничены. Во время посещения Копенгагена супруга В. Тальбизера передала через Л.Я. Штернберга подарок для С.А. Ратнер-Штернберг — две орнаментированные ленты эскимосов Гренландии. В 1927 г. С.А. Ратнер-Штернберг передала их в музей (№ 3453). На конгрессе Л.Я. Штернберг восстановил связи с сотрудниками МААЭ и установил новые контакты с исследователями из США. В 1925 г. в качестве дара от американского лингвиста Леонарда Блумфельда (L. Bloomfield, 1887—1949) МАЭ получил ожерелье индейцев кри (№ 3266) и археологическую коллекцию образцов керамики и каменных орудий из МААЭ (№ 3123). Еще три археологические коллекции (№ 3834, 3913, 3938) от директора этого музея Чарльза Кларка Уиллоуби (C.C. Willoughby, 1857—1943) были получены в 1928—1929 гг. уже после кончины Л.Я. Штернберга.

«Более конкретные результаты этой поездки для музея выразились в том, — писала С.А. Ратнер-Штернберг, — что Л.Я. добил-

ся в Стокгольме компенсации за финансовое участие в довоенной (в 1914 г.) совместной экспедиции в Мексику, лично отобрав в запасных кладовых Стокгольмского музея (где, несмотря на сильное обострение своего недуга, он проводил целые дни) ряд коллекций по разным народностям Америки, Африки и Австралии в составе более 500 предметов. Кроме того, в Копенгагене он получил и переправил в музей хранившуюся при Датском колониальном управлении большую (230 №№) коллекцию из быта гренландских эскимосов, собранную незадолго до войны по поручению музея и по инструкции Л.Я. через посредство супругов Хатт, работавших в нашем музее целый год по изучению типов одежды» [Ратнер-Штернберг 1928: 48].

Здесь говорится о коллекции индейцев пуэбло и района Равнин из сборов М.Р. Харрингтона (№ 3142) и об упоминавшейся коллекции по культуре эскимосов Южной и Западной Гренландии, населявших берега рек Упернивик и Кангатсиак (№ 3044). Ее собирателями были В. Тальбицер и Карл Георг Йохан Петерсен (Johan C.G. Petersen, 1860–1928). Что касается других коллекций, полученных в дальнейшем благодаря деловым связям Л.Я. Штернберга, то в 1927 г. от О.Д. Ниловой поступили две камлейки алеутов Командорских островов, приобретенные адмиралом Константином Дмитриевичем Ниловым (1856–1919) в конце XIX в. (№ 3483). В 1929 г. от Е.Е. Тевяшева поступили два изделия из кости эскимосов юпик — модель каяка (№ 3902) и фигурка моржа (№ 3473). В 1931 г. племянница известного индолога И.П. Минаева Варвара Петровна Шнейдер (1860–1941) передала берестяную коробку алгонкинов (№ 4279).

Открытие новой экспозиции

Несмотря на то что ИАН была образована в 1724 г. по распоряжению Петра Великого, празднование 200-летнего юбилея Академии наук запланировали на 6–10 сентября 1925 г. В связи с юбилеем Библиотека АН переехала в новое помещение, а историческое здание Петровской Кунсткамеры полностью перешло МАЭ. Летом 1925 г. началась работа по созданию новой экспозиции. В.Г. Богораз писал о деятельности Л.Я. Штернберга в тот период: «Ему выпало на долю завидное счастье видеть возрождение этого главного дела его жизни и самому участвовать и руководить гран-

диозной работой перестройки и расширения музея, связанной с двухсотлетним юбилеем Академии наук» [Богораз 1927: 278].

При подготовке новой экспозиции зала Северной Америки С.А. Ратнер-Штернберг разобрала ящики с незарегистрированными предметами и составила из них новые тематические коллекции: одежда эскимосов, тлинкитские маски, вооружение тлинкитов и т.д. С.А. Ратнер-Штернберг формировала тематические собрания на основе внешних характеристик предметов — формы, материала, орнамента. Она не занималась изучением музейной документации и не использовала сведения собирателей, поэтому в отношении ряда предметов С.А. Ратнер-Штернберг неверно указала их этническую принадлежность. Она стремилась быстрее разобрать все собрание музея по народам Северной Америки и подготовить группы экспонатов для новой экспозиции. Помощницей С.А. Ратнер-Штернберг была Иоанна Дмитриевна Старынкевич, которая являлась техническим сотрудником и ни одной публикации по этнографии народов Америки не сделала. О музейных экспозициях 1925 г. Е.А. Михайлова сообщает: «Ее сибирский и американский разделы были построены во многом на близких и Богоразу, и Штернбергу постулатах Дрезуповской экспедиции, зримо демонстрировалась основополагающая идея Боаса о тихоокеанском побережье Сибири и Аляски как интегрированной культурной зоне» [Михайлова 2004: 116].

Л.Я. Штернберг никогда не отличался крепким здоровьем, период революционных потрясений и разрухи не прошел для него бесследно. В середине 20-х годов его самочувствие сильно ухудшилось: «В 1926 г., уже совершенно больной, он совершил трудную поездку в Токио <...>, чтобы участвовать в Тихоокеанском конгрессе. <...> Тридцать дней железнодорожного странствия, бурное море, конгресс и поездка к айнам — все это давало одновременно духовное удовлетворение и физическую муку» [Богораз 1927: 282]. После тяжелой продолжительной болезни 14 августа 1927 г. Л.Я. Штернберг скончался. На его смерть пришло много телеграмм и писем с соболезнованиями: «Характерно <...> письмо проф. Тальбицера из Копенгагена от 10 октября 1927 г., в котором он, узнав о смерти Л.Я., своего “дорогого друга”, между прочим, пишет: “Ваша страна потеряла в нем человека блестящего ума, искреннейшей и благороднейшей души, искателя идеальнейших и гуманистических истин, выдающегося человека науки”. Точно

так же всемирно известный Smithsonian Institution в Вашингтоне в письме от 17 октября 1927 г. пишет, что в лице Штернберга “этнография всего мира” понесла “большую потерю”. В том же духе письмо проф. Прейса и мн. др., Франц Боас пишет, что он “гордится, что мог считать его в числе своих друзей”» [Ратнер-Штернберг 1928: 49–50].

Кончина Л.Я. Штернберга повлияла на планы В.И. Иохельсона. В августе 1927 г. он решил вернуться в Ленинград для продолжения работы в МАЭ. На пароходе В.И. Иохельсон переплыл из Нью-Йорка в Лондон, где получил известие о смерти Л.Я. Штернберга. Видимо, он решил, что в МАЭ его больше никто не ждет. Состязаться с «марксистской молодежью» за должности, оклады и продуктовые пайки 72-летний В.И. Иохельсон был не в состоянии. В октябре 1927 г. он возвратился в Нью-Йорк, в ноябре отправил на имя В.Г. Богораза посылку со своими книгами, изданными в США. Судьба даровала ему еще десять лет жизни, из них четыре года (1929–1933) В.И. Иохельсон и его супруга провели в Ницце во Франции. Он обладал особой политической интуицией и покинул Европу после прихода фашистов к власти в Германии. В 1933 г. в США опубликовали монографию В.И. Иохельсона «История, этнология и антропология алеутов», которую он рассматривал как продолжение работы «Археологические исследования на Алеутских островах» [Jochelson 1933: V]. В 1934 г. в Ленинграде вышла его статья «Унанганский (алеутский) язык» [Иохельсон 1934]. Во втором номере «Советской этнографии» за 1935 г. опубликовали биографию В.И. Иохельсона, где 80-летнего ученого призывали вернуться «из затянувшегося пребывания за рубежом» для продолжения научной работы на родине [Шавров 1935: 13].

В 1928 г. в докладе, посвященном памяти Л.Я. Штернберга, В.К. Арсеньев назвал его основателем новой этнографической школы в России. Он писал: «Мы потеряли основоположника новой русской этнографической школы. <...> Но семена, брошенные Львом Яковлевичем, не пропадут даром и дадут хорошие всходы. Методы работы даны, и путь этнографических исследований на Дальнем Востоке указан» [Арсеньев 1966: 106]. Как видно из этой цитаты, В.К. Арсеньев считал одного Л.Я. Штернберга создателем ленинградской этнографической школы и не упомянул о В.Г. Богоразе. Это личная оценка В.К. Арсеньева, но она говорит об отношении к В.Г. Богоразу некоторых его современников.

Международные связи, установленные Л.Я. Штернбергом и В.В. Радловым, сыграли существенную роль в дальнейшем пополнении фондов музея коллекциями по народам зарубежных стран. Подводя итоги их работы, В.Г. Богораз отметил: «Радлов и Штернберг в полтора десятилетия собрали для музея бóльшую половину наличных коллекций и сборов. Особенно в последние годы, перед самой войной, их работа по организации научных экспедиций, можно сказать, во все области и материка земного шара развернулась с большой широтой. <...> Штернберг, потерявший в разгар разрухи <...> Радлова, был все же счастливее своего старшего друга и учителя» [Богораз 1927: 278].

Подчеркнем, что В.Г. Богораз назвал В.В. Радлова «старшим другом и учителем» Л.Я. Штернберга. В 1928 г. С.А. Ратнер-Штернберг опубликовала статью «Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук» [Ратнер-Штернберг 1928]. В этой статье Л.Я. Штернберг представлен как фактический руководитель МАЭ с начала XX в., который установил партнерские связи с зарубежными коллегами и музеями, организовал обмен коллекциями и проведение полевых исследований, подготовил целое поколение отечественных этнографов и т.д. Заслуги Л.Я. Штернберга в создании ленинградской этнографической школы хорошо известны. Что касается академика В.В. Радлова, то он был выдающимся востоковедом и лингвистом, владевшим более сорока иностранными языками. Характеристика его научных работ не входит в рамки настоящего исследования, но вклад В.В. Радлова и Л.Я. Штернберга в развитие этнографии, археологии и лингвистики существенно различается.